

**Дитц Яков История поволжских немцев-колонистов.
Dits, Jakov E. Geschichte der deutschen Kolonisten an
der Wolga.**

Москва Готика Moskva Gotika 1997

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	9
1. Появление иностранцев в России.	17
2. Прежняя родина поволжских колонистов.	24
3. Колонизационные мероприятия.	32
4. Переезд колонистов в Россию.	57
5. Мероприятия к поселению колонистов.	63
6. Водворение пришельцев в колониях.	77
7. Пугачев в колониях.	87
8. Нашествие киргиз-кайсацких и калмыцких орд на немецкие колонии.	102
9. Обустройство колоний.	124
10. Подчинение колонистов общему управлению.	128
11. Управление Конторы опекунства иностранных.	133
12. Управление и суд в колониях.	144
13. Управление директоров экономии.	165
14. Саратовская Контора опекунства иностранных, переименованная в 1833 году в Контору иностранных поселенцев.	176
15. Влияние попечительного управления на колонии.	203
16. Землепользование.	215
17. Переселения и создание новых колоний.	226
18. Два процесса колонистов с казною.	244
19. Земледелие в колониях.	264
20. Промышленность и торговля.	268
21. Сарпинка.	272
22. Мукомольное производство.	278
23. Церковное управление поволжских католиков и учреждение Тираспольской римско-католической епархии.	280
24. Церковное управление протестантов и учреждение Саратовской евангелическо-лютеранской консистории.	291
25. Секты.	334
26. Школа.	342
27. Жизнь и характер, нравы и обычаи колонистов.	376
28. Суеверие.	396
29. Выдающиеся колонисты.	404
30. Саратовская Немецкая слобода.	412
31. Заволжские меннониты.	419
32. Сарепта.	430
Именной указатель.	467
Географический указатель.	481
Примечания.	492

31. ЗАВОЛЖСКИЕ МЕННОНИТЫ

Вызов иностранцев в качестве колонистов был прекращен особым указом 1819 г., и нашим заграничным миссиям воспрещено выдавать паспорта желающим поселиться в России. Тем не менее колонизация фактически продолжалась, хотя и в незначительных размерах, по сепаратным разрешениям. Поэтому указом 1 июля 1833 года, значительно сокращавшим штат попечительного управления колонистов, было подтверждено, что «новое переселение из-за границы колонистов должно быть решительно прекращено».

Однако и эта решительное подтверждение снова было нарушено. В 1851 г. теснимым Пруссией меннонитам было разрешено селиться на юге России. Обстоятельство это побудило Саратовскую Контору иностранных поселенцев возбудить ходатайство поселить часть меннонитов в Новоузенском уезде, близ новых поселений немецких колонистов из коренных колоний, для заведения образцовых, показательных хозяйств. С этой целью было отведено 6500 десятин земли для 100 образцовых хозяйств меннонитов на солевозном тракте.

Меннонитская община ведет свое начало со времен реформации. Лютер был реформатором исключительно церковным. Между тем тогдашнее земледельческое население Германии нуждалось не в одной церковной реформе: необходима была еще и реформа политическая и экономическая. Таким реформатором явился Фома Мюнцер, который реформы церковные тесно связывал с политико-экономическими; а так как эти реформы ограничивали права как правителей государств, так и ленивых рыцарей их, угнетавших народ и тормозивших своими поборами и управлением экономическое развитие сельскохозяйственного прогресса, то Мюнцер и не был терпим правительствами, как Лютер, который не касался политически-гражданской жизни своих последователей, проповедуя, напротив, полное подчинение власти, исходя из Евангелия от Матфея, гл. 22, сто 17-21: «Дайте кесарю кесарево, а Богу Богово!».

Мюнцер учил, что «тысячелетнее царство» и «царство нового Ерусалима» должно возникнуть на земле, а не в загробной жизни, как учили другие реформаторы, в том числе Лютер, и цель Мюнц-

ра была именно содействовать достижению их. «Все должно быть общим - работа и имущество, каждому следует давать по нуждам и потребностям, - учил Мюнцер, - все христиане должны вступить в общий союз и предпринять борьбу для освобождения всего христианства и всего мира, а если государи будут тормозить их начинания и не сделаются гражданами нового царства Господня, то их следует изгнать». Последствием этой проповеди была крестьянская война в Германии и казнь самого Мюнцера.

Но идея Мюнцера не умерла. В 1536 году явился новый реформатор Менно Симонс, который действовал менее круто, чем Мюнцер: он решил организовать такую церковно-экономическую общественную организацию, которую могло бы терпеть светское правительство. Отвергая священство, присягу и войну и - как анабаптист - требуя крещения не младенцев, а только взрослых, Менно признает правительство необходимым, хотя чуждым царству Иисуса Христа; поэтому он запрещает последователям своим отправлять правительственных должностей.

Менно нашел последователей главным образом в Нидерландах, где новые протестанты получили по имени своего учителя название меннонитов. Вскоре, однако, меннонитов дома начали теснить, и они перешли в окрестности Данцига и испросили себе у правительства так называемую Мариенвердерскую низменность, состоявшую из болот, песков и солончаков, заливаемых Вислой и морем. Общими усилиями меннониты взялись здесь культивировать пустынный край, превратив его в цветущий сад и богатые нивы. Правительство не только их терпело, но, видя их деятельность, дало им льготы в отличие от других подданных: передало в полную собственность культивированную ими землю и освободило их от воинской повинности, шедшей вразрез с их религиозными верованиями, и предоставило их собственному общинному управлению.

Между тем в конце XVIII столетия прусское правительство постепенно лишало меннонитов дарованных им прав, а когда в 1780 году их привлекли к отбыванию воинской повинности и запретили приобретать земельную собственность, меннониты по указу Екатерины II стали селиться в России, - в Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерниях. Массовый уход меннонитов заставил прусское правительство отказаться от ограничений меннонитов и тем удержать оставшихся от переселения.

По указу 4 ноября 1847 года Пруссия снова стала привлекать к отбыванию воинской повинности меннонитов, и последние решили

переселиться в Россию, которая им разрешила это, причем 100 семейств отправила не на юг России, а в Поволжье.

1 октября 1853 года первая партия меннонитов в 9 семей явилась в колонию Привальная, а 5 октября главный судья Конторы иностранных поселенцев Фрезе передал уполномоченному меннонитов Клаусу Эпп назначенный им участок земли в 6500 десятин.

Перезимовав в Привальной, меннониты весною 1854 года выехали на отведенный участок и решили заложить первую колонию, по возможности в середине пашни. В намеченном месте они устроили колодец, обошедшийся в 120 рублей и давший воду лишь на 18-й сажени. Такая глубина колодца испугала новоселов, и они решили поселиться у речки Тарлык, на краю надела, основав колонию под названием Ганс-Ау с наделом в 1609,5 десятины.

Вновь прибывшие меннониты заложили в 1855 году вторую колонию под названием Кеппенталь с наделом в 1776,2 десятины у речки Малыш, от которой вся меннонитская волость получила название Малышинской.

В 1858 г. явилась новая партия меннонитов. Часть их приселилась к существовавшим уже колониям, а часть решила поселиться особой колонией. Снова была сделана попытка селиться в середине надела, приступили к рытью колодца, но после 11-ти сажень глины вдруг появился пласт песку в 4 сажени, который с несовершенным для этого буром меннониты преодолеть не могли. Ввиду этого и третье поселение, под названием Линденау, было заложено у речки Тарлык с наделом в 1729 десятин.

В 1860 году приступили к основанию 4-й колонии на оставшемся от 6500 десятин участке в 1385,3 десятины, под названием Фрезенгейм. Колония была устроена по правильному типу меннонитских поселений. Весь надел разбит на подворные участки по 65 десятин, по середине надела тянется широкая улица - дорога, по левую сторону которой (считая от Кеппенталя) на каждом участке расположен сельскохозяйственный двор. Колодцы были вырыты в 16 ½ сажени глубиной.

К августу 1860 года было поселено 84 семьи, ждали еще 7 семей, уже получивших от прусского правительства разрешение навъезд в Россию.

На это водворение меннонитов казна не только не давала субсидии, но и требовала от всех прибывших на границу 700 рублей залога, в обеспечение устройства своего хозяйства на отведенной

земле. Новоселы пришли сюда со средствами от продажи своих хозяйств в Пруссии и тотчас же наладили новое хозяйство.

Между тем группа населения в 100 семейств была слишком незначительна для образования отдельной административной единицы: округа или волости. Причислить же эти поселения к чужому округу, чужой волости значило бы нарушить основные принципы их общинного самоуправления, в борьбе за которое меннониты бросали свои культурные хозяйства и уходили туда, где обеспечивалось это самоуправление. Ввиду этого уполномоченный новоселов Клаус Эпп воспользовался пребыванием в Саратове ревизора колоний действительного статского советника Миллера и подал ему 11 августа 1860 года обстоятельный доклад о состоянии меннонитских колоний и о том затруднительном положении, в которое они поставлены в отношении учреждения своего управления. Эпп считает необходимым увеличить меннонитское население до той нормы, при которой оно будет в состоянии образовать и содержать собственное административное управление. Поэтому Эпп просит ревизора войти с надлежащим представлением об отводе под поселение меннонитов, приходящих в Россию из Пруссии, соседнего казенного участка в 10 680 дес., оставив, впрочем, часть его для выселения в ближайшем будущем подрастающего молодого поколения. Ходатайство увенчалось полным успехом; просимый участок в 10 680 дес. был отведен, и в 1861 и 1862 годах основаны колонии Гогендорф и Лизандерге: первая - в 1619,8 и вторая - в 1745,4 дес., так что надел ее составил 1505,6 десятины. Остаток же земли в 7315,3 дес. был предназначен для подрастающего поколения и состоял у меннонитов в оброке, с правом распашки лишь восьмой части его. На этот остаток меннониты поселили с 1871 по 1874 гг. 4 колонии: Орлов, Остенфельд, Меденталь и Валуевка.

Таким образом, в одной округности образовалось 10 колоний меннонитов, из которых составила волость Малышинская с двумя приходами и молитвенными домами - в Кеппенталь и Орлове.

Отведенная меннонитам земля находилась в безводной, безлесной, солончаковой и к хлебопашеству непригодной степи. Поэтому всякому сельскому хозяину того времени заселение меннонитами такой скудной земли должно было казаться полным безумием, непроизводительной тратой средств и труда. Иначе смотрели на это дело сами меннониты. Их уполномоченный Клаус Эпп в указанной выше докладной записке, которой, кстати сказать, мы пользуемся при составлении настоящей статьи, рисует в самых радужных кра-

сках будущее своих малышинских меннонитов, а о скудной почве спокойно говорит: «ее нужно культивировать». Меннониты привезли с собою из Пруссии самые усовершенствованные по тому времени земледельческие орудия, даже семена для посева, а главное - свои знания и трудолюбие.

Как сделать скудную, забивающую хлеб востряком и другими сорными травами землю хлебородной? На этот вопрос Эпп дает самый обстоятельный ответ в своей записке, написанной на немецком языке:

«Удобрение есть душа земли, черный пар дает грунту культивирующую силу для истребления корней развивающихся в почве сорных трав. На этих двух факторах зиждется все земледелие степных местностей. Как воздух, солнце и дождь дают растению пищу и рост, так точно они действуют и на землю, если ее чаще разрыхлять. Если мы стряхнем с дерева листья, то помешаем его росту, а если повторим это чаще, то дерево может и совсем засохнуть. Ближнюю пашню можно удобрить навозом; возить же навоз на дальнейшее расстояние сопряжено с расходами и лишней затратой времени; поэтому дальнюю землю необходимо культивировать черным паром, т. е. распашкой и разбороновкой земли в течение лета два-три раза, чтобы сделать доступной воздуху, солнцу и влаге весь слой земли, в которой произрастает хлеб».

Так рассудительно-хладнокровно и спокойно подходит к разрешению своей задачи уполномоченный посаженных на скудную землю меннонитов и этой своей основной мысли дает дальнейшее развитие.

Иногда приходится слышать, что удобрение в нашем сухом грунте и при сухом климате вредит земле, так как всеокрушающая засуха проникает через разрыхленную навозом почву до корней растения и, суша корни, уничтожает само растение. Такое явление возможно лишь у неопытных хозяев, не понимающих смысла и способа удобрения. Грунт твердый и сухой необходимо удобрять хорошо перегнившим навозом, который после частой переработки земли плугом, бороной и экстирпатором так перемешивается с грунтом, что его нельзя найти и отличить от земли. Холодный же влажный грунт требует удобрения в смеси с большим количеством соломы.

Солонец культивируется черным паром, ибо при помощи частой распашки и разработки земли на поверхность ее выворачивается содержащаяся в земле соль, которая, сделавшись доступной вли-

янию воздуха, солнца и дождя, расщелачивается и испаряется; если такую почву вдобавок еще и удобрить, то плодородие ее достигается скорее, так как жировые части навоза уничтожают соль.

Культивировать мертвую землю, не принимающую в себя влагу и не дающую возможности по своей твердости и непроницаемости развиваться корням растения, до сих пор еще не удавалось в достаточной степени. Во всяком случае, и здесь опыт показал, что вышеуказанный прием, повторенный несколько лет подряд, дает блестящие результаты: черный пар делает грунт нежнее, мягче, а навоз придает ему необходимый растению чернозем, перегной.

На твердой глинистой почве необходимо сеять белотурку, но только на глубоко распаханной осенью залежи, впитывающей в себя массу зимней влаги, дающей хлебу возможность взойти без дождя; черный же пар, необходимый лишь для уничтожения корней сорных трав, едва ли пригоден для белотурки.

Вот земледельческий кодекс заволжского меннонита. Он не верит в силу земли: он надеется на свой труд; он не боится капризов природы: своим трудом он достигает в некоторой степени того, чего может лишиться его природа. Система Эппа, примененная на практике, уже в малоурожайный 1859 год дала меннонитам урожай сам-девят; впоследствии же в урожайные годы она давала меннонитам и научившимся у них хлебопашеству окружным соседям сам-сорок

Меннониты вводят в свое хозяйство стройную, несколько монотонную систему. Все устраиваются почти одинаково: один как другой. Идеальное распределение надела применено к 6 колониям: Фрезенгейм, Гогендорф, Лизандерге, Орлов, Остенфельд и Меденталь.

Смежные дворовые участки. Посредине проходит широкая, тянущаяся почти на 10 верст улица, по одну сторону которой в некотором углублении возведены сельскохозяйственные дворы, огороженные каменной стеной или живой изгородью. У лица по обе стороны засажена аллеей деревьев, а сад, цветник и ряд деревьев перед каждым домом защищают от уличной пыли. За двором тянутся поля, а в конце поля разведен искусственно лес, состоящий из тополя, дуба, липы, березы и акации, окруженный живой изгородью красивого, но колючего боярышника, препятствующего скоту. Нетрудно себе представить, какой массы труда стоили колонистам эти, ныне выросшие в гигантов, деревья в безводной местности, где можно проехать сотню верст и не увидеть ни дерева, ни кустика.

Хозяйственные постройки идут непрерывно во двор, в один ряд, часто под одной крышей и соединены между собою. Дом, в большинстве случаев каменный, из разноцветного кирпича, с высокой черепичной крышей и зелеными ставнями, обращен фронтоном на улицу. Вдоль дома пристроено тесовое крыльцо, с дверью в середине; из крыльца ведут в дом две двери: передняя - в большую приемную комнату, задняя - в кухню, детскую и спальню. Мебель состоит из старинных тяжелых стульев, по крытого вязаной скатертью стола, деревянного дивана, раскрашенного и обитого бронзой сундука, на стенах картины-пейзажи, на окнах занавески. Все убранство комнаты носит пуританский оттенок.

Дом непосредственно соединен дверью с конюшней, разделенной проходом в середине на две части, с отдельно устроенными станками для лошадей и рогатого скота. Посреди конюшни устроен колодец с насосом или колесом. Из конюшни дверь ведет в ригу с высокой крышей, под которой, как и под жилым домом, часто устраиваются, взамен амбара, сусеки и закрома для хранения хлеба и муки.

Сельскохозяйственные работы меннониты производят почти исключительно лошадьми (в помеси киргизских с орловскими рысистыми породами). Коров они держат только голландской породы. Землю пахут осенью тяжелыми железными плугами, весной буккерами, разрыхляют экстирпаторами, ралами и боронами, а сеют разбросными и рядовыми сеялками; укатывают землю обыкновенным катком. Хлеб молотят камнями и большей частью конными молотилками, а очищают немецкими веялками.

Меннониты ведут тихий и скромный образ жизни. Музыка, танцы и вино считаются у них предосудительными. Мест продажи вина они у себя не терпят. Единственное занятие меннонита - труд, труд физический, земледельческий; этот труд так сроднился с его воззрениями, что сделался одним из догматов его учения. Школьное образование допускается меннонитами лишь в размере, необходимом для конфирмации и для сельского хозяйства; поэтому, насколько нам известно, среди заволжских меннонитов до настоящего времени не было и нет никого не только с высшим, но даже сосредним образованием. Физический труд, одинаково обязательный для всех членов меннонитской семьи, выработал у них и особый закон наследования, совпадающий с их религиозными воззрениями: равенство: брак сам по себе создает общность имущества между мужем и женой, а при открывшемся наследстве - равенство между всеми членами семьи, без различия пола. Этот порядок наследова-

ния, как обычный, действует у меннонитов и поныне на основании 13-го Общего Положения о крестьянах.

Религиозный девиз «молитесь и работайте!» - заставляет меннонита вести замкнутый образ жизни; поэтому отношение его к окружающему вне общины населению - чисто деловое, никогда не переходящее в дружбу. Даже со своими протестантами-колонистами меннониты не являлись и до настоящего времени ни разу не вступили в брак с ними. Русское население, называющее меннонитов в отличие от других колонистов пруссаками, ездит к ним лишь за покупкой коровы или сельскохозяйственной машины.

Введение в 1874 году всеобщей воинской повинности снова всколыхнуло меннонитов, и не только в Поволжье, но и на юге России. Меннониты стали массами выселяться в Америку, продавая иногда бесценно свои культурные подворные участки, так как меннонитские общества, на правах юридических собственников всей наделной земли, разрешали покупку земель одним лишь меннонитам. Отсутствие конкуренции при покупке меннонитами у своих переселявшихся однообщественников подворных участков вскоре привело к тому, что участки продавать было некому. Это вызвало ропот среди меннонитов, и общества для расширения круга покупателей разрешили покупать участки помимо меннонитов и остальным колонистам Поволжья. Этим правом воспользовались богатые в то время привалинские колонисты, братья Миллер, и скупили все подворные участки колонии Гансау. В конце 90-х годов братья Миллер продали скупленную землю колонии крестьянам-малороссам. Таким образом, меннонитских селений Малышинской волости ныне осталось только девять.

Массовый выезд культурных земледельцев-меннонитов из России вызвал неудовольствие в населении и прессе, и правительство наше решило сделать меннонитам уступки. Оно командировало на юг России в меннонитские колонии севастопольского героя генерал-адъютанта Тотлебена, которому было предоставлено право даровать меннонитам следующие льготы: 1) гарантировать им отбывание воинской повинности вблизи мест их жительства; 2) заменить им отбывание повинности при госпиталях, тюрьмах, пожарных командах, лесной страже или железных дорогах и 3) в случае войны оставлять их в этих мирных занятиях, не привлекая к театру военных действий.

В течение двух недель в апреле 1874 года Тотлебен вел переговоры с меннонитами, собранными на сельские сходы. Меннониты

заявили, что их религиозные воззрения не позволяют им вести службу по военному ведомству, и согласились оставить решимость свою выселиться из России при условии, если им дозволено будет отбывать воинскую повинность денежным выкупом молодых людей, попавших по жребию, или предоставлено будет устроить госпитали и мастерские, в которые будут назначаться меннониты на службу, в самих местах их водворения. Наконец, 23 апреля Тотлебен и меннониты выработали следующее соглашение, получившее затем высочайшее утверждение: «Меннониты отбывают воинскую повинность не в военном, а других ведомствах, в местностях преимущественно Новороссийского края и смежных с ним губерний: 1) в лесной страже Министерства гос. имуществ; 2) в мастерских г. Николаева; 3) в пожарных командах; 4) при госпиталях гражданского ведомства; причем меннониты будут соединяемы в особые группы для предоставления им совместного совершения молитв по уставам религии, а по окончании действительной службы, в случае войны, будут назначаемы лишь в те обязанности, какие они несли при состоянии на действительной службе, и всегда без ношения оружия вне района военных действий». Невольно соглашаясь на эти условия, меннониты высказали желание нести службу преимущественно в лесной страже и в мастерских; но более всего соглашались нести службу по разведению казенных лесов и садов на юге России, с тем, что в тех пунктах, которые окончательно будут определены районами их службы, они согласны устроить за свой счет казармы и продовольствие для людей своего контингента. К последнему предложению меннонитов побуждало опасение, что новобранцы из их среды в сообществе с другими молодыми людьми, особенно в городах, по свойственной молодежи восприимчивости, могут утратить ту строгую нравственность, которая так ревниво оберегается меннонитами и для сохранения которой они готовы на материальные пожертвования.

Правительство согласилось на предложение меннонитов, предоставив им право отбывать воинскую повинность в лесных командах Министерства государственных имуществ, для работ в Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерниях, с возведением особых казарм и содержанием отбывающих повинность за счет общин всех меннонитов России. Налог на содержание этих команд и казарм, все увеличиваясь, собранием уполномоченных меннонитов 18 мая 1906 года установлен в размере: 1) с каждой наличной души мужского пола - 62 коп., 2) с каждой десятины надельной и

приобретенной с помощью общественной кассы земли - по 12 коп., 3) с каждых 100 руб. стоимости имущества ремесленников и торгово-промышленников-меннонитов - по 10 коп. и 4) с каждой десятины крепостной земли меннонитов - по 8 коп.

Впрочем, меннонитам, в силу необходимости, приходилось идти в своих религиозных верованиях на компромиссы. Принужденные прусским законом отбывать воинскую повинность в рядах армии с оружием в руках и участвуя в двух войнах, меннониты считают допустимым свое участие в войне, если она является необходимой самообороной, исходя из евангельского изречения: взявший меч от меча и погибнет. Такое утешение равносильно вступлению в сделку с религиозной совестью. Однако в своем вынужденном схоластическом толковании меннониты не остались одинокими. Сильные западные социал-демократы, в принципе отрицающие войну, принимают участие в кровопролитной войне 1914-1916 гг.; причем воюющие социал-демократы Франции и Бельгии считают себя в положении необходимой обороны против Германии, а германские в необходимой самообороне против Франции и Бельгии. Отсюда неутешительный вывод: совесть часто эластична и принципы не всегда так уж непоколебимы.

Нынешнее состояние меннонитов, безусловно, нужно назвать богатым; урожай меннонитов всегда выше урожая окрестных крестьян и немцев-колонистов на 40%.

Из подворного участка меннониты отводят под усадьбу, двор, сад, огород и лес - 5 десятин, а остальную пахотную землю обрабатывают по пятипольной системе, в пяти равных полях и в следующей очереди: 1) черный пар, 2) рожь, 3) на глубокой осенней распашке пшеница русская или белотурка, 4) гирка (голоколоска) и 5) ячмень, овес, просо.

Скот круглый год кормится на конюшне сеном, разрезанной на мелкие части соломорезкой соломой и мякиной, при не котором количестве овса и отрубей.

Колонии получали свои названия в большинстве случаев по фамилиям должностных лиц, принимавших то или иное участие в их создании. Первая колония - Гансау названа по фамилии председателя Попечительного комитета иностранных поселенцев южного края, исходатайствовавшего в 1851 году меннонитам право водворения в России. Вторая колония - Кеппенталь названа в честь академика Петра Ивановича Кеппена, покровителя меннонитов в Петербурге. Колонии Фрезенгейм, Лизандерге и Остенфельд - по

фамилиям главных судей Саратовской Конторы иностранных поселенцев: Фрезе, Лизандер, Остен-Сакен, а колония Валуевка – по фамилии министра государственных имуществ Валуева, главного печителя всех колоний в России. Колония Линденау («липовая долина») названа по нескольким липам, стоявшим у речки Тарлыка, где возведена колония, а Гогендорф («высокое село») - по расположению на возвышенном месте.

Во время войны 1914-1916 гг., когда все немецкое у нас было в загоне и Петербург переименовали в Петроград, меннонитские колонии также получили русские названия: Кеппенталь - Сурки, Линденау - Овражное, Фрезенгейм - Суходольное, Гогендорф - Высокое, Остенфельд - Порки, Меденталь - Гусевка и Гансау - Каменное.

К 1 января 1915 года в 9 меннонитских селениях Малышинской волости состояло 1309 душ обоего пола.